

Вичаю
БАХ

ИЛЛЮЗИИ

Перед Вами — культовая книга «Иллюзии» американского писателя Ричарда Баха в переводе Майка Науменко, не менее культовой личности в нашей стране. Это тот самый перевод, который среди читателей и специалистов негласно считается лучшим, хотя и был сделан одним из первых. Огромная его ценность, кроме того, заключается в том, что Майк делал его не для публикации, а для себя самого. И хотя многие могут заметить, что этот перевод с чисто профессиональной точки зрения и уступает другим, более известным в России (например, переводу И. Старых), внушительная армия поклонников Р. Баха отдаёт предпочтение именно версии М. Науменко. Данный текст отсканирован с первой машинописной копии оригинала перевода.

Ричард Бах

Иллюзии, или Приключения вынужденного Мессии

Немного об этом переводе

Честно скажу, самодельную книжку с Майковским переводом «Иллюзий» я не открывал лет двадцать. И вот теперь, с трудом растолковав программе распознавания текста, что шрифт древней чугунной машинки «Континенталь» — это все-таки буквы, а не чудные картинки, и затем, дополняя вручную нераспознанные сорок процентов текста, представленных в виде разнообразных «кракозябров», я естественно, перечитал книгу заново. И перечитав, подумал, что тем, кто не знаком с этим переводом, кое-что, наверное, стоит объяснить.

Во-первых, это именно тот текст, который мы читали в конце семидесятых. Тот самый. Вместе со всеми своими неточностями и неровностями. Не думаю, что Майк был сильно озабочен качеством перевода, ведь он делал его не для публикации, о чем тогда и речи быть не могло, а в первую очередь для того, чтобы разделить со своими друзьями впечатления о книжке, которую недавно прочитал на английском, и которая для большинства из нас, владеющих в лучшем случае английским на уровне средней школы (и конечно «со словарем») или не владеющим им вовсе, оказалась недоступной. Сначала Майк всем рассказывал, что прочитал новую кайфовую книжку Ричарда Баха, того самого, что написал «Чайку», пытался пересказать ее содержание и даже переводить вслух, «с листа», но особого впечатления это не произвело. Вскоре появился этот самый перевод, и уже через пару месяцев в питерских коммуналках защелкали разнокалиберные самиздатовские «копировальные аппараты», и «Иллюзии» заняли свое место на полке «мистической» литературы рядом с самодельными переводами Кастанеды, Лилли, Киля и пр.

Конечно, в то время текст воспринимался совсем не так как сейчас. Например, фразы «миры „Уорнер Бразерс“», «образы „Метро-Голдуин-Майер“» мало кому что говорили, а фильма «Батч Кэссиди и Санденс Кид» (именно так Майк перевел название) не только никто не видел, но даже и не подозревал о его существовании. Однако именно благодаря своей аутентичности, а также отпечатку личности Майка (построение фраз, многие выражения и еще нечто неуловимое), перевод оказывал свое воздействие на читателей, «работал»!

Он и сейчас работает. Я знаю многих, которые до сих пор предпочитают именно этот, наверное, самый первый перевод «Иллюзий» всем последующим, гладким и профессиональным. Прочтите (или перечитайте), и вы поймете, о чем я говорю.

В. Зорин

Предисловие автора

После публикации книги «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» я неоднократно слышал вопрос: «Что ты собираешься написать дальше, Ричард, что после „Джонатана“?»

Я отвечал тогда, что не собираюсь писать дальше ни слова, и что в своих книгах я сказал все, что хотел сказать. После того, как я некоторое время жил впроголодь, заложил свой автомобиль и все такое прочее, мне было приятно отдыхать, не работая до полуночи над черновиками.

И все-таки, почти каждое лето я выкатывал свой древний биплан на зеленые поля лугов Среднего Запада Америки, катал пассажиров за три доллара за полет и опять начинал ощущать хорошо знакомое внутреннее напряжение: у меня было еще что сказать, а я этого еще не сделал.

Я вовсе не люблю писать. Если у меня хватает сил отказаться от не до конца разработанной идеи, то я не стану и в руки брать карандаш.

Но время от времени стена моего дома взрывается искрами, стеклами и обломками кирпича; кто-то пробирается сквозь щебень, хватая меня за глотку и вежливо говорит: «Я не выпущу тебя отсюда, пока ты не воплотишь меня на бумаге». Таким образом, я пришел к «Иллюзиям».

Лежа на спине на полях Среднего Запада и практикуясь в испарении облаков, я никак не мог отделаться от этой истории... Что если бы я повстречался с кем-нибудь, кто умел бы это делать, кто мог бы объяснить мне, как устроен мой мир и как им управлять? Что если бы мне удалось повстречать сверхпросвещенного... Что если бы в нашем времени оказался Сиддхартха или Иисус, обладающий властью над иллюзиями мира, потому что он знаком с реальностью, стоящей за ними? И что бы вышло, если бы я смог лично познакомиться с ним, если бы он тоже летал на биплане и приземлился бы на одном поле со мной? Что бы он сказал, как бы он выглядел? Возможно, он не был бы похож на того мессию, которого я описал на закапанных маслом страницах своего летного журнала, возможно, он не сказал бы ничего из того, что написано в этой книге. И все же, как сказал мне мой мессия, мы притягиваем к нашим жизням то, что владеет нашими мыслями и, если допустить, что это верно, то это значит, что я пришел к этой самой секунде по некой определенной причине, как, впрочем, и вы. Может быть, то, что вы сейчас держите эту книгу в руках, не просто совпадение, может быть, во всех этих приключениях есть что-то такое, о чем вы можете вспомнить сами. Я предпочитаю думать именно так. Я предпочитаю думать, что мой мессия вознесся отсюда в другое измерение, вовсе не вымышленное, что он смотрит оттуда на нас и смеется от радости, потому что все происходит именно так, как мы этого хотим.

Ричард Бах.

1. Случилось пришествие на эту планету Учителя, рожденного в святой земле Индианы, выросшего на мистических лугах к востоку от Форт Уэйна.
2. Учитель познавал этот мир в публичных школах Индианы, а, повзрослев — в авторемонтных мастерских, где он работал механиком.
3. Но Учитель обладал знаниями и из других краев, из других школ и из других жизней, прожитых им. Он вспоминал их и, вспомнив, стал столь мудрым и сильным, что другие увидели эту силу и пришли к нему за советами.
4. Учитель верил в то, что в его власти помочь себе и всему человечеству, а поскольку он в это верил, то так оно и было для него, и другие видели его могущество и приходили к нему, чтобы исцелиться от своих бед и множества болезней.
5. Учитель верил в то, что каждый человек во благо свое должен считать себя сыном Бога, а поскольку он в это верил, то так оно и было, и авторемонтные мастерские и гаражи, где он работал, стали заполняться толпами людей, разделявших его учение и жаждавших его прикосновения. Улицы снаружи были запружены теми, кто ждал, чтобы лишь тень его упала на них, и изменила бы всю их жизнь.
6. Все это пришло к концу, поскольку некоторые начальники его и управляющие гаражами вынуждали его уходить с работы, потому что столь тесно окружали его толпы, что ни Учителю, ни остальным автомеханикам не оставалось места для ремонта автомобилей.
7. И поэтому он пошел по стране, а люди, следовавшие за ним, называли его мессией и чудотворцем, а так как они в это верили, то так оно и было.
8. Если в то время, когда он говорил, разражалась буря, ни единая капля дождя не падала на головы слушающих его. Гремел ли гром, падала ли с неба молния, всегда последний в толпе слышал его так же ясно, как и первый. И всегда говорил он притчами.
9. Он говорил им: «В каждом из нас заключена власть выбрать для себя здоровье или болезнь, богатство или бедность, свободу или рабство. Только мы сами распоряжаемся этим, и никто другой».
10. И мельник сказал ему: «Вам легко говорить, Учитель, ведь, в отличие от нас, вас направляют свыше, и вам нет нужды трудиться, как трудимся мы. Человек должен работать, чтобы прожить в этом мире».
11. Учитель отвечал ему так: «Некогда на дне огромной хрустальной реки жили некие существа, там была деревня.
12. Течение реки беззвучно несло над всеми ними, молодыми и старыми, богатыми и бедными, хорошими и плохими. Поток несся своим путем, зная лишь свое хрустальное русло.
13. Каждое из этих существ по-своему цеплялось за кусты и камни на дне реки, с рождения своего учились они сопротивляться потоку, поскольку это был единственный известный им образ жизни.
14. Но одно из существ, в конце концов, сказало: «Я устал цепляться за дно. Хотя я и не могу видеть это собственными глазами, но я все же верю в то, что поток знает, куда он течет. Я оттолкнусь от дна, и пусть он несет меня туда, куда принесет. Цепляясь за дно, я умру от скуки».
15. Остальные существа засмеялись и сказали: «Глупец! Оттолкнись от дна, и поток, который ты так считаешь, разобьет тебя о скалы, и ты умрешь быстрее, чем от скуки!»
16. Но ему не было до них дела, он сделал глубокий вдох, оттолкнулся от дна, и течение понесло его на скалы.
17. И все-таки, так как это существо не стало опять хвататься за камни и кусты, поток

поднял его над дном и больше не бил о скалы.

18. А существа, которые жили ниже по течению и не знали его, вскричали: «Смотрите, чудо! Такое же существо, как мы, а летит! Смотрите, вот мессия, который пришел, чтобы спасти нас всех!»

19. Но тот, несомый потоком, сказал: «Я мессия не больше, чем вы. Река только ждет, чтобы поднять нас, если мы осмелимся оттолкнуться от дна. Наша единственная цель, это путешествие, это приключение».

20. Но они, продолжая держаться за камни, кричали: «Спаситель!», — и когда опять посмотрели вверх, его уже не было, и они снова остались одни и принялись слагать легенды о Спасителе».

21. Но все это пришло к концу, когда он увидел, что толпа вокруг него день ото дня становится все больше, плотнее, все ближе к нему, все беспокойнее. Когда он увидел, что люди заставляют его без конца исцелять их, кормить чудесами, учить жить их жизнями. В один прекрасный день он в одиночестве взобрался на вершину холма и стал там молиться.

22. И в сердце своем сказал он: «Безграничная и лучезарная Суть, если будет на то твоя воля, позволь мне не пить до конца эту чашу, позволь мне оставить это непосильное дело. Я не могу жить жизнью другой души, а десять тысяч душ только этого и требуют от меня. Я жалею о том, что позволил случиться всему этому. Если будет на то твоя воля, позволь мне вернуться к моим моторам и инструментам и жить, как другие люди.

23. И, стоя на вершине холма, услышал он голос, ни мужской, ни женский, ни громкий, ни тихий, но голос определенно добрый. И этот голос сказал ему: «Не моя, но твоя исполнена воля, потому что твоя воля является для тебя моей. Иди своим путем, как другие люди, и будь счастлив на земле».

24. И Учитель был счастлив, услышав это, и он воздал хвалу голосу и спустился с холма, напевая песенку автомеханика. И когда толпа окружила его, своими воплями требуя исцелений, поучений и бесконечных чудес, он улыбнулся и радостно произнес: «Я ухожу».

25. На мгновение толпа онемела от изумления.

26. И он сказал им: «Если человек скажет Богу, что больше всего на свете, любой ценой, он хочет помочь страдающему миру, и Бог ответит ему и скажет, что делать, следует ли человеку поступать так, как ему укажет Бог?».

27. «Конечно, Учитель! — вскричала толпа. — С радостью должен он выстрадать все муки ада, если Бог прикажет ему!».

28. «Какими ни были бы пытки, каким трудным бы ни оказался приказ?»

29. «Честь быть повешенным, слава быть распятым на дереве и сожженным, если того захочет Бог», — сказали они.

30. «А что бы стали делать, — сказал Учитель толпе, — если бы Бог предстал перед вами и сказал: „Я приказываю вам всем всю свою жизнь быть счастливыми в этом мире“. Что бы вы стали делать?».

31. И смолкла толпа. Не было слышно ни единого голоса, ни единого звука там, где стояли они, на холмах и на их склонах.

32. И в тишине сказал Учитель: «В пути к нашему счастью найдем мы знания, ради которых выбрали мы эту жизнь. Так случилось, что сегодня я понял это, и я покидаю вас, чтобы вы шли своими дорогами, которые должны выбрать сами».

33. И он прошел сквозь толпу и оставил их, и вернулся в повседневный мир людей и машин.

Я познакомился с Дональдом Шимодой примерно в середине лета. За четыре года полетов я еще ни разу не встречал ни одного пилота, который занимался бы тем же, чем и я: перелетами из города в город на старинном биплане и катанием пассажиров по три доллара за десять минут в воздухе.

Но однажды, пролетая к северу от Ферриса, штат Иллинойс, я взглянул вниз из кабины моего «Флита» и увидел выкрашенный в белый и золотой цвета «Трэвел Эйр 4000», преспокойно стоящий посередине изумрудно-зеленого поля.

Я живу свободной жизнью, но все равно иногда становится одиноко. Я увидел внизу этот биплан и после секундного размышления решил, что не будет ничего плохого, если я приземлюсь рядом. Газ на минимум, руль высоты на пикирование, и мой «Флит» устремился к земле. Ветер свистел в расчалках (а это приятный звук), старый мотор стучал, вращая пропеллер. Очки на лоб, чтобы лучше видеть посадочную полосу. Зеленые кукурузные джунгли, крохотная изгородь, а за ней, насколько я мог видеть, простиралось только что убранное поле. Руль высоты в горизонтальное положение, небольшой круг над полем, и вот трава уже бьет по колесам, вот знакомое подрагивание коснувшегося земли заднего колеса, торможение, и, наконец, я подруливаю к этому самолету и остаиваюсь. Газ убран, зажигание выключено, пропеллер, сделав несколько оборотов, замирает в тишине июльского дня.

Пилот «Трэвел Эйр» сидел на траве и наблюдал за мной, опершись спиной о колесо своего самолета.

С полминуты я молча смотрел на него, удивляясь его загадочному спокойствию. Если бы какой-то самолет приземлился и остановился в десяти ярдах от меня, навряд ли я оставался таким хладнокровным. Я кивнул ему. Не знаю почему, но он мне понравился.

— Ты выглядел одиноким, — сказал я.

— Ты тоже.

— Мне не хотелось бы тебе мешать. Если на этом поле я лишний, я могу полететь дальше.

— Нет, я ждал тебя.

В ответ на это он улыбнулся.

— Извини, я опоздал.

— Ничего.

Я снял шлем и очки, выбрался из кабины и выпрыгнул на землю. После пары часов полета на «Флите» было приятно размять ноги.

— Надеюсь, ты не возражаешь против ветчины с сыром? — спросил он.

Ветчина с сыром и, возможно, с муравьями. Ни рукопожатия, ни представления.

Он выглядел крупным мужчиной. Волосы до плеч чернее резины колеса, на которое он опирался. Глаза темные, как у сокола. Такие глаза мне нравятся у друга, но если они принадлежат кому-нибудь другому, то их взгляд вызывает во мне чувство неловкости. Он смахивал чем-то на сансэя карате.

Я взял у него бутерброд и воду в крышке от термоса.

— А все-таки, кто ты? — спросил я. — Я уже несколько лет катаю пассажиров, но ни разу не видел никого в этом бизнесе.

— Я занимаюсь примерно тем же, — довольно радостным голосом ответил он. — Плюс кое-какой ремонт, пайка. Иногда вожусь с тракторами. Если я слишком долго задерживаюсь на одном месте, у меня порой возникают трудности. Вот я и собрал самолет. Также катаю людей.

— А с какими тракторами ты имел дело? — я с детства сходил с ума по дизелям.

— Д-8, Д-9. Я занимался этим недолго, в Огайо.

— Д-9! Огромный, как дом! Двойной нижний привод! Да им можно хоть гору свернуть!

— Для того чтобы сдвинуть гору, существуют способы получше, — сказал он с улыбкой, длившейся, может быть, десятую долю секунды.

Некоторое время я стоял, облокотившись о нижнее крыло его самолета, и наблюдал за ним. Игра света... Вблизи на него было трудно смотреть. Создавалось впечатление, что вокруг его головы светился серебристый ореол.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался он.

— А что у тебя за трудности?

— О, ничего особенного. Просто охота к перемене мест, как и у тебя.

Я взял еще один бутерброд и прошелся вокруг его самолета. Это была машина выпуска 1928-1929 года, только совершенно новая. Заводы не делают таких новых самолетов, как этот. По крайней мере, двадцать слоев полированной аэролаком обшивки, натянутой на деревянный каркас, сверкали как зеркало. На листе английского золота под кабиной было написано имя «Дон», а на планшете с картами я прочитал: «Д.У.Шимода». Приборы выглядели идеально новыми, как будто только что из упаковки. Оригинальные приборы 1928 года. Ручка управления из лакированного дуба, рукоятка газа, смеситель, и даже искрогаситель слева. Сейчас больше нигде не встретишь искрогаситель, даже на идеально отреставрированных старых машинах. Нигде ни царапинки, ни пятнышка, ни единого следа от масла на обшивке. Такое впечатление, что эта машина вообще ни разу не летала, что она материализовалась на этом поле сквозь полувековой виток времени. Я почувствовал, как у меня по шее побежали холодные мурашки.

— Ты давно на нем летаешь? — спросил я, стоя за его самолетом.

— Около месяца, недель пять.

Он говорил неправду. Пять недель в полях и, кем бы вы ни были, на самолете останутся пятна от грязи и масла, а в кабине будут стебельки травы, от этого никуда не деться. Но эта машина... Ни масла на ветровом стекле, ни зеленых травяных пятен на передних кромках крыльев и хвоста, ни раздавленных жуков на пропеллере. Таких самолетов, летающих летом в Иллинойсе, не бывает. Я исследовал «Трэвел Эйр» еще минут пять, потом вернулся и сел на траву под крылом лицом к пилоту. Мне не было страшно, мне нравился этот парень, но что-то тут было не так.

— Почему ты не говоришь мне правду?

— Я сказал тебе правду, Ричард, — ответил он. На моем самолете тоже написано мое имя.

— Невозможно летать на «Трэвел Эйр» так, чтобы на нем не осталось хотя бы немножко масла, дружок, немножко пыли. Хотя бы немного травы на полу. Боже, ну хотя бы одной царапины на обшивке!

Он спокойно улыбнулся в ответ:

Думаю, что люди не могли летать так долго не потому, что они считали это невозможным, а просто-напросто потому, что они не знали первого принципа аэродинамики. Мне хочется верить в то, что где-то есть другой принцип: для того, чтобы летать, нам не нужны самолеты, нам не нужны машины, чтобы проходить сквозь стены или добираться до других планет. Мы можем сами научиться этому, если захотим.

Он улыбнулся и кивнул:

— И ты думаешь, что научишься всему этому, продавая по полям полеты по три доллара за десять минут?

— Единственные знания, которые для меня что-то значат, это те, что я получил сам, делая то, что я делаю. На земле нет человека, который мог бы научить меня большему, чем мой самолет и небо, но если бы он и существовал, я бы тотчас отправился искать его. Или ее.

Темные глаза спокойно смотрели на меня.

— Если ты действительно хочешь научиться всему этому, то не кажется ли тебе, что тебя кто-то или что-то направляет?

— Конечно, направляет. Да и всех остальных тоже, разве не так? У меня всегда было такое чувство, что за мной кто-то наблюдает.

— И ты думаешь, что тебя за ручку приведут к учителю, который сможет помочь тебе?

— Да, если я сам себе не учитель!

— Может быть, так оно и случится, — сказал он.

Новенький пикап, подняв тучу пыли, съехал с дороги и остановился у поля. Открылась дверца, и из автомобиля вышли старик и девочка лет десяти. В воздухе висела коричневая пыль, ветра не было.

— Катаете пассажиров, верно? — спросил старик.

Поле открыл первым Дональд Шимода, поэтому я молчал.

— Да, сэр, — бойко ответил он. — Не хотите ли полетать?

— А если и захочу, то вы, поди, начнете петли крутить, да вверх тормашками меня переворачивать? — его глаза хитро блестели, он ждал, как мы отнесемся к его сельскому выговору.

— Захотите — будем, не захотите — не будем.

— А стоит это удовольствие, поди, уйму денег?

— Три доллара за десять минут, сэр. Это будет тридцать три и одна треть цента за минуту в воздухе, и, как говорит большинство, дело того стоит.

Было довольно странно сидеть и смотреть, как работает этот парень. Я уже давно привык к своему методу рекламы: «Гарантирую, что наверху на десять градусов холоднее, мистер! Побывайте там, где летают только птицы и ангелы! И это, всего лишь, за три доллара. Двадцать двадцатицентовых монет не так уж облегчат ваш карман!» Я забыл, что может быть и другой метод.

Одному заниматься подобным делом довольно напряженно. Я к этому привык, но все-таки, если клиентов нет, ты остаешься без обеда. Сейчас, когда я мог не зависеть от сегодняшнего дохода, я расслабился и стал наблюдать.

Девочка, блондинка с карими глазами и грустным лицом, подошла и тоже с любопытством смотрела на нас. Она была здесь явно только из-за деда. Она не хотела лететь.

Обычно все бывает наоборот: восторженные дети и подозрительные родители, но когда зарабатываешь себе на хлеб подобным образом, начинаешь понимать людей по-другому. Я знал: эта девочка не полетит с нами ни за что, даже если мы будем упрашивать ее все лето.

— Кто из вас, джентльмены? — спросил старик.

Шимода налил себе чашку воды.

— С вами полетит Ричард. Я еще не закончил свой завтрак. Или вам придется подождать.

— Нет, сэр, я готов. А мы сможем пролететь над моей фермой?

— Конечно, — ответил я, — только укажите направление, сэр.

Я выгрузил из передней кабины «Флита» свой спальный мешок, чехол с инструментами и посуду и помог старику забраться в кабину. Затем сел на заднее сидение и пристегнулся ремнями.

— Ты не крутанешь пропеллер, Дон?

— Угу, — он встал, держа чашку в руке, и подошел к моему самолету, — что нужно делать?

— Толкни его, но только осторожно. Импульс сам закрутит его дальше.

Каждый раз, когда пропеллер «Флита» толкает кто-то другой, они делают это слишком сильно, и, по всевозможным довольно сложным причинам, двигатель не заводится. Но этот

парень толкнул его так медленно, как будто он занимался этим всю жизнь. Импульс провернул пропеллер, раздался треск, в цилиндр пошла искра, и старый мотор прекрасно завелся. Дон вернулся к своему самолету, присел на корточки и стал разговаривать с девочкой.

Лошадиные силы погнали мой «Флит» вперед, вокруг заметались стебельки травы, и вот мы взлетели. Мы поднялись на сто футов (если мотор остановится, мы приземлимся в кукурузе), на пятьсот футов (теперь мы сможем вернуться и сесть на поле), на восемьсот футов, разворот, выравнивание, и мы полетели на юго-восток, туда, куда мой пассажир показывал пальцем.

Минуты через три мы облетели его ферму, амбары цвета горящего угля, дом цвета слоновой кости, стоящий в изумрудной траве. На заднем дворе был огород — кукуруза, салат, лук, помидоры.

Старик в передней кабине смотрел вниз на свою ферму, видневшуюся между крыльями и расчалками «Флита».

На порог дома вышла женщина в белом переднике, надетом на голубое платье, и помахала рукой. Старик помахал ей в ответ. Потом они будут говорить о том, как хорошо они видели друг друга сквозь небо.

Наконец, он повернулся и кивнул мне: «Достаточно», — и мы повернули назад.

Я покружил над Феррисом, чтобы люди узнали, что над их городом происходят полеты, и стал опускаться по спирали к нашему полю, показывая, где нас можно найти. Заходя на посадку, я увидел, как «Трэвел Эйр» оторвался от земли и развернулся по направлению к ферме, над которой мы только что побывали.

Когда-то я летал в цирке вместе с другими пятью самолетами, и на секунду мной овладело беспокойство... Одна машина с пассажиром взлетает, в то время как другая садится. Мы мягко коснулись земли, и я вырулил к дальнему концу поля, поближе к дороге.

Двигатель остановился, старик отстегнул ремни, и я помог ему выбраться из кабины и сойти на землю. Он достал из брюк бумажник, отсчитал три доллара и одобрительно покачал головой:

— Отличный полет, сынок.

— Я думаю! Мы продаем хороший товар.

— Вот твой приятель, так он уж действительно продает!

— О?

— Да, твой приятель мог бы самому черту его хвост продать, держу пари!

— Как так?

— Девчонка, ясное дело! Уговорить полететь на самолете мою внучку Сару!

Он посмотрел на «Трэвел Эйр», далекую серебристую пылинку, кружащую над фермой. Он говорил таким голосом, каким обычно человек рассказывает о том, что у него в саду на засохшем кусте выросли цветы и зрелые яблоки.

— Эта девочка с рождения смертельно боится высоты. Вопит. Бросается в панику. Она скорее согласится засунуть голые руки в пчелиный улей, чем влезть на дерево. Она не станет подниматься по лестнице на чердак, даже если во дворе потоп разразится. Девочка любит машины, неплохо ладит с животными, но от высоты приходит в ужас. И вот, она в воздухе.

Он продолжал говорить и даже вспомнил те времена, когда некий Монмаут, работавший, как и мы, на биплане, вытворял в воздухе сумасшедшие штучки.

В это время я смотрел, как «Трэвел Эйр» приближался, рос и, наконец, начал спускаться, причем круче, чем следовало бы, учитывая тот факт, что в его кабине сидела девочка, боявшаяся высоты. Самолет пролетел над кукурузой, изгородью и аккуратно сел на три точки. Судя по тому, как Дональд Шимода умел сажать свой «Трэвел Эйр», можно было догадаться, что он летает уже давно.

Самолет подкатил к нам и остановился. Я подошел поближе. На пропеллере жуков не было. Эта восьмифутовая бритва не тронула ни единой мухи.

Я взобрался на крыло, расстегнул у девочки ремень, открыл маленькую дверцу передней кабины и показал ей, как нужно сойти, чтобы не повредить обшивку крыла.

— Ну, как тебе понравилось? — спросил я.

Она меня не слышала.

— Деда, я не боюсь! Честно, мне не было страшно. Дом был похож на игрушечный, мама помахала мне рукой, а Дон сказал мне, что я боялась потому, что когда-то упала и умерла, а теперь мне бояться больше нечего. Деда, я хочу стать летчицей. Я хочу самолет, и тогда я сама буду ухаживать за мотором и везде летать и возить людей! Можно?

Шимода улыбался, глядя на то, как старик пожимает плечами.

— Это он сказал тебе, что ты станешь летчицей, Сара?

— Нет, я сама так решила. Ты же знаешь, я уже разбираюсь в моторах.

— Что ж, поговорим об этом с твоей мамой. А сейчас нам пора домой.

Они поблагодарили нас и заторопились к своему пикапу, оба потрясенные случившимся в поле и в небе.

Подъехали два автомобиля, потом еще один, и вот в поле выстроилась целая очередь людей, желающих увидеть Феррис с воздуха. Мы сделали один за другим по двенадцать-тринадцать полетов, я съездил на бензоколонку за горючим для «Флита». Затем пришло еще несколько пассажиров, потом еще. Перед самым закатом мы успели сделать еще по полету-другому.

Я где то видел табличку «НАСЕЛЕНИЕ 200», и, по моим подсчетам, мы обслужили всех, а кроме того еще несколько приезжих.

В суете полетов я забыл спросить у Дона о Саре и о том, что он сказал ей, выдумал ли он эту историю о ее смерти или считал ее правдой. Но, время от времени, пока пассажиры менялись местами, я внимательно осматривал его самолет. На нем не было ни пятна, ни капли масла, и, летая, он явно старался избегать жуков, которых мне приходилось оттирать с ветрового стекла каждые час-два.

Когда мы закончили полеты, небо было почти черным. Я положил в свою походную плитку сухие кукурузные стебли, бросил на них угольные брикеты и зажег огонь. Было совсем темно. Огонь отбрасывал тени от стоящих рядом самолетов на золотистую траву.

Я заглянул в свой ящик с продуктами.

— Суп, тушенку или спагетти? — спросил я Дона. — Есть еще груши и персики. Хочешь горячих персиков?

— Все равно, — мягко ответил он. — Все или ничего.

— Ты разве не проголодался? Сегодня был трудный день.

— У тебя такой выбор, что не от чего придать в восторг. Разве только немного тушенки...

Я открыл банку с тушенкой своим ножом из спасательного комплекта офицеров Швейцарских ВВС, проделал ту же операцию со спагетти и подвесил обе банки над огнем.

Мои карманы были набиты деньгами... Это было самое приятное время за весь день. Я достал из кармана смятые банкноты и принялся считать их, даже не пытаясь разглядеть. Я насчитал сто сорок семь долларов и стал производить в уме нехитрые арифметические расчеты:

— Это будет... Это будет... Так. Четыре, и два в уме... За один день сорок девять полетов! Мы с «Флитом» выбились за сто долларов, Дон! А ты, наверное, за все двести. Ты же, как правило, возишь по двое.

— Как правило, — ответил он. — Кстати, о том учителе, которого ты ищешь...

— Никакого учителя я не ищу, я считаю деньги! — сказал я. — На это можно прожить неделю, даже если целую неделю будет идти дождь!

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ну а теперь, когда ты закончил купаться в деньгах, — сказал он, — не дашь ли ты мне немного тушенки?

Массы, толпы и лавины людей обрушились на одного из них, стоящего в центре. Затем все эти люди превратились в океан, который грозил затопить его, но он, посвистывая, пошел по воде и исчез. Океан воды превратился в океан травы. Белый с золотым «Трэвел Эйр 4000» приземлился на эту траву, из кабины вылез пилот и водрузил над океаном полотно с надписью «ПОЛЕТ — 3 ДОЛЛАРА — ПОЛЕТ».

Когда я проснулся и вспомнил весь этот сон, который, почему-то, пришелся мне по душе, было уже три часа ночи. Я открыл глаза и увидел «Трэвел Эйр», стоящий в лунном свете рядом с моим «Флитом». Шимода сидел на спальном мешке, опершись спиной о левое колесо своего самолета, точено так же, как и в тот момент, когда я увидел его впервые. Не то чтобы я видел его отчетливо, нет, просто я знал, что он там.

— Эй, Ричард, — сказал он откуда-то из темноты, — ты еще не понял, что происходит?

— Что я не понял? — мрачно спросил я. Я был еще во власти воспоминаний и даже не удивился, что он не спит.

— Твой сон. Этот человек, толпы людей и самолет, — терпеливо объяснил он. — Тебе было любопытно, кто я такой, так что теперь ты знаешь. О'кей? В свое время были сенсационные истории: Дональд Шимода, тот самый, которого начали называть «Механиком-Мессией», «Американским Аватарой», тот самый, который в один прекрасный день исчез в присутствии двадцати пяти тысяч свидетелей.

Я помнил об этом. Что-то подобное я читал в газете какого-то маленького городка в штате Огайо, причем обратил внимание на это лишь потому, что новости эти напечатаны были на первой странице.

— Дональд Шимода?

— К вашим услугам, — ответил он. — Теперь ты все знаешь и можешь больше не гадать, кто я такой. Ложись-ка лучше спать.

Прежде чем заснуть, я еще долго думал об этом.

— Разве так можно... Я не думал... Ты был мессией, ты должен был спасти мир, верно? Я и представить себе не мог, что мессия может повернуть на сто восемьдесят градусов и все бросить, — я сидел на верхнем кожухе мотора «Флита» и рассматривал своего странного друга. — Дон, будь добр, кинь мне ключ девять на шестнадцать.

Он порылся в ящике с инструментами и кинул мне разводной ключ. Как и все остальные инструменты, которые он бросал мне сегодня утром, ключ плавно замедлил полет и остановился в футе от меня, плавно и невесомо покачиваясь в воздухе. Тем не менее, как только я коснулся его, он тут же обрел в моей руке вес и стал обычным хромованадиевым авиационным гаечным ключом. Впрочем, не совсем обычным. После того, как дешевый ключ семь на восемь однажды сломался у меня в руке, я стал покупать самые лучшие инструменты, которые только можно достать за деньги. В данном случае это был «Снэп-Он» — каждый механик знает, что это необыкновенный ключ, он ценится на вес золота, его приятно держать в руках и точно известно, что он не сломается, что бы с ним ни делали.

— Конечно, можно бросить! Можно бросить все, все что угодно, если тебе это надоело. Если захочешь, ты даже можешь бросить дышать, если тебе это надоело, — ради собственного удовольствия он немного погонял по воздуху отвертку «Филипс». — Вот я и бросил быть мессией, и если тебе кажется, что своими словами я пытаюсь защищаться, то о'кей, возможно так оно и есть. Все же это лучше, чем работать на работе, которую ты ненавидишь. Хороший мессия ничего не ненавидит, он свободен идти по любому пути, который он выберет сам.

Впрочем, это, конечно, справедливо и для всех остальных. Все мы дети Бога, или дети Сути, или Идеи Разума, или, если пожелаешь, нас можно назвать как-нибудь еще.

Я подтягивал гайки цилиндров мотора «Киннер». Хороший мотор, старый В-5, но эти гайки разбалтываются сами по себе примерно через каждые сто летних часов, а я не люблю этого дожидаться. И впрямь, первая же гайка, за которую я взялся, провернулась на четверть оборота, и я был рад тому, что решил проверить мотор сегодня утром, до полетов с пассажирами.

— Что ж, пожалуй ты прав, Дон, но мне кажется, что мессианство отличается от всех остальных работ. Иисус, который опять стал плотником, чтобы заработать себе на жизнь. Пожалуй, это звучит странно.

Он задумался над этим:

— Я тебя не понимаю. Странно то, что он не бросил все эти дела, когда его начали называть Спасителем. Вместо этого он пытался рассуждать логически: «О'кей, я сын Бога, но ведь мы все дети Бога. Я Спаситель, но ведь и вы тоже! То, что делаю я, можете делать и вы». Каждый, кто находится в своем уме, должен это понимать.

Мне было жарко, но усталости я не чувствовал. Чем больше мне хочется что-то сделать, тем меньше я склонен называть это работой. Я испытывал удовлетворение, от того что, наконец, отрегулировал эти цилиндры.

— Тебе больше не нужны ключи? — спросил он.

— Нет, не нужны. Я настолько духовно просвещен, что считаю все эти твои штучки просто забавой среднеразвитой души. Или, может быть, начинающего гипнотизера.

— Гипнотизера! Мой мальчик, это уже близко. Нет лучшего гипнотизера, чем мессия. Какая скучная работа! Почему я с самого начала не догадывался о том, что это будет скучная работа?

— Ты догадывался, — мудро заметил я. Он рассмеялся. — Дон, ты когда-нибудь задумывался о том, что бросить все это будет нелегко? О том, что ты не сможешь жить жизнью нормального человеческого существа?

В ответ на это он смеяться не стал.

— Ты прав, конечно, — сказал он, запустив пальцы в свои черные волосы. — Стоит мне задержаться в одном месте больше чем на день-два, как люди начинают замечать, что во мне есть что-то странное. Потришь о мой рукав, и ты излечишься от последней стадии рака. И вот, не проходит и недели, как вокруг меня снова толпы народа. Самолет помогает мне передвигаться быстро, никто не знает, откуда я прилетел, никто не знает, где я буду завтра, и это мне прекрасно подходит.

— Тебе будет труднее, чем ты думаешь, Дон.

— О?

— Общее направление движения нашего времени — от материального к духовному... Медленное, но верное движение. Я не думаю, что мир так просто оставит тебя в покое.

— Я им не нужен, им нужны чудеса! А чудесам я могу научить любого. Пусть он и будет мессией. Не такая уж это и скучная работа. А кроме того, «нет проблемы настолько серьезной, чтобы от нее нельзя было убежать».

Я соскользнул с кожуха мотора в траву и стал подтягивать гайки на третьем и четвертом цилиндрах. Не все, но некоторые из них были разболтаны.

— Ты, случайно, не Снуци цитируешь?

— Спасибо. Я всегда цитирую истину, где бы я ее ни нашел.

— Тебе не удастся убежать, Дон! А что если я прямо сейчас начну тебе поклоняться? Что если мне надоест заниматься мотором, и я стану просить тебя, чтобы ты его вылечил? Слушай, я отдам тебе все деньги, которые заработаю сегодня до заката, если ты научишь меня, как висеть в

воздухе! Если ты этого не сделаешь, я стану на тебя молиться: «О, Святой, Посланный Мне, Чтобы Помочь Мне Нести Мою Ношу!».

В ответ на это он улыбнулся. Я до сих пор думаю, что он так и не понял, что ему не удастся никуда убежать. Впрочем, как я мог это знать, если он и сам не знал этого?

— У тебя было такое же шоу, как в индийских фильмах? Толпы на улицах и миллиарды протянутых к тебе рук, цветы и благовония, золотые платформы с серебряными гобеленами, с которых ты проповедовал?

— Нет, еще перед тем, как я начал эту работу, я знал, что всего этого мне не выдержать. Поэтому я и выбрал Соединенные Штаты. Просто вокруг меня собирались толпы.

Ему было больно вспоминать обо всем этом, и я пожалел, что начал этот разговор.

— Я хотел сказать: «Ради Бога, если вам так нужны свобода и радость, неужели вы не видите, что они в вас самих? Скажите себе, что они у вас есть, и они ваши! Ведите себя так, как будто они ваши, и они у вас будут!». Ричард, ну что в этом, черт возьми, такого уж сложного? Но большинство из них и не пыталось меня слушать. Чудеса! Они ходили ко мне, чтобы посмотреть на чудеса, как другие ходят на автогонки, чтобы увидеть катастрофы. Сначала это огорчает, потом становится скучным. Я не знаю, как это выдерживают другие мессии.

— Ты так рассказываешь, что все это теряет свою прелесть, — сказал я, затащив последнюю гайку и убрав инструменты. — Куда мы летим сегодня?

Он подошел к моей кабине и, вместо того, чтобы стереть разбитых о ветровое стекло жуков, провел над ними рукой, и мертвые насекомые тут же ожили и улетели. Ветровое стекло его самолета, конечно же, всегда оставалось чистым, а мотор не нуждался в уходе.

— Я не знаю, — сказал он, — я не знаю, куда мы полетим.

— Как так? Ты знаешь все прошлое и все будущее. Ты должен точно знать, куда мы полетим сегодня!

Он вздохнул:

— Да, но я стараюсь об этом не думать.

Пока я работал с цилиндрами, я радовался: «О, все, что мне теперь нужно, это держаться этого парня, и все будет замечательно». Но то, как он произнес «я стараюсь об этом не думать», заставило меня вспомнить о том, что случилось с другими мессиями, посланными в этот мир. Здравый смысл советовал мне после взлета повернуть на юг и убраться от этого человека подальше. Но, как я уж говорил, иногда становится одиноко летать вот так, одному, и я был рад, что у меня есть собеседник, который может отличить элерон от руля высоты.

Я мог бы повернуть на юг, и, тем не менее, после взлета я остался с ним, и мы полетели на северо-восток, в будущее, о котором он так старался не думать.

— Где ты всему этому научился, Дон? Ты так много знаешь, или, может быть, мне просто кажется, что ты действительно знаешь. Нет. Ты и впрямь знаешь все обо всем. Это все дело практики? А тебя, часом, не обучали на Учителя?

— Выдается книга.

Я повесил только что выстиранный шелковый шарф на расчалки и уставился на него.

— Книга?

— Да. Справочник спасителя. Это что-то вроде Библии для учителей. Если тебе интересно, у меня где-то тут завалялся экземпляр.

— Да, да! Это что, обычная книга, в которой написано...

Он порылся в багажном отсеке «Трэвел Эйр» и достал небольшой томик в замшевой обложке:

«РУКОВОДСТВО ДЛЯ МЕСИИ.

НАПОМИНАНИЯ ПРОСВЕЩЕННОЙ ДУШЕ».

— Ты же говорил «Справочник спасителя», а тут написано «Руководство для мессии».

— Что-то в этом духе, — он начал собирать вещи, лежавшие вокруг его самолета, как будто решил, что настало время улетать.

Я полистал книгу. Это был сборник афоризмов и изречений.

Перспектива —

Используй Это или забудь об Этом.

Если вы открыли эту страницу, вы начинаете забывать о том,

Что то, что происходит вокруг вас,

Реальностью не является.

Подумайте об этом.

Вспомните, откуда вы пришли, куда идете, и почему вы создали

Эту ситуацию, в которую поместили самого себя в первом лице.

Помните, вы умрете страшной смертью,

Для вас это будет полезной тренировкой, и она понравится вам больше,

Если вы будете об этом помнить.

Тем не менее, относитесь к своей смерти

С некоторой серьезностью.

Смех на пути к казни обычно не всегда понятен

Менее просвещенным жизненным формам,

И они назовут вас сумасшедшим.

— Дон, ты читал это, о потере перспективы?

— Нет.

— Тут написано, что тебе придется умереть ужасной смертью.

— Не обязательно. Все зависит от обстоятельств и от того, как тебе захочется все устроить.

— А ты собираешься умереть страшной смертью?

— Я не знаю. Это не так уж важно, ведь я закончил работу и уже больше не мессия, верно. Я полагаю, что небольшого спокойного вознесения будет вполне достаточно. Я решу это через несколько недель, когда закончу дело, ради которого я здесь.

Откуда я мог знать, что о нескольких неделях он говорил серьезно?

Я вернулся к книге. Это действительно были знания, необходимые Учителю.

Учение

Это узнавание того,

Что вы уже знаете.

Действие

Это демонстрация того, что вы знаете это.

Преподавание

Это напоминание другим о том,

Что они знают также хорошо, как и вы сами.

Все вы ученики, творцы и учителя.

Ваша единственная цель

В любой из ваших жизней

Это быть верным самому себе.

Быть верным кому бы то ни было или чему бы то ни было

Это не только невозможно,

Это еще и отличительная черта фальшивого мессии.

Самые простые вопросы

Одновременно являются самыми важными.

Где вы родились? Где ваш дом?

Куда вы идете?

Что вы делаете?

Время от времени думайте над этим,

И вы увидите,

Как ваши ответы будут изменяться.

Учить

Проще всего тому,

Чему вам самим важнее всего научиться.

— Что-то ты там притих, Ричард, — сказал Шимода, как будто ему захотелось со мной поговорить.

— Да, — ответил я, продолжая читать. Если это действительно была книга для Учителей, мне не хотелось выпускать ее из рук.

Живите так,

Чтобы вам никогда не было стыдно,

Если что-нибудь из того, что вы сделали и сказали, будет опубликовано

по всему миру,

даже если то, что будет опубликовано,

окажется неправдой.

Ваши друзья

Лучше узнают вас

В первую минуту знакомства,

Чаям ваши знакомые

Узнают вас за тысячу лет.

Лучший способ

избежать ответственности

Это заявить: «Я ответственен».

Я обнаружил в книге некоторую странность.

— Дон, страницы не пронумерованы?

— Нет, — сказал он, — ее просто нужно открыть, и перед тобой окажется то, что для тебя в данный момент важнее всего.

— Волшебная книга!

— Нет, так можно поступать с любой книгой. Так можно поступать даже со старыми газетами, если только читать достаточно внимательно. Ты пробовал так делать — когда перед тобой стоит какая-то проблема, взять первую попавшуюся книгу и посмотреть, что она тебе скажет?

— Нет.

— Что ж, попробуй как-нибудь.

Я попробовал. Я закрыл глаза и стал думать о том, что со мной может случиться, если я надолго останусь с этим странным человеком. С ним было весело, но я никак не мог отделаться от чувства, что скоро с ним произойдет что-то совсем не смешное, а мне бы не хотелось при этом присутствовать. Думая обо всем этом, я взял книгу, открыл ее наугад и прочитал:

Вас

Сквозь вашу жизнь ведет

Ваше внутреннее постоянно обучающееся творение,

Игривое духовное сознание,

Ваша истинная суть.

Не пренебрегайте

Возможными вариантами будущего,

Пока вы не будете уверены в том,

Что вам нечему в них научиться.

Вы всегда свободны передумать

И выбрать

Иное будущее или прошлое.

— Выбрать иное прошлое? Буквально или в переносном смысле, что бы это значило? Дон, у меня, кажется, ум за разум заходит. Я не знаю, как смогу всему этому научиться.

— Практика. Немножко теории и побольше практики, — ответил он, — это займет у тебя недели полторы.

— Недели полторы!

— Да. Поверь в то, что тебе известны все ответы, и ты будешь знать все ответы. Верь в то, что ты Учитель, и ты им станешь.

— Я никогда не говорил, что хочу стать Учителем.

— Верно, — сказал он, — не говорил.

Но я оставил книгу у себя, а он ни разу не попросил вернуть ее.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Купить бумажную книгу](#)